

Тусклый огонек масляной лампы дрогнул и разгорелся ярче, наполняя комнату мягким светом. Тень от высокой фигуры Е Цзюньшу вытянулась по стене, а в тишине слышались его неспешные шаги.

Он вернулся к столу и сел, озадаченно уставившись на два исписанных листа бумаги.

Это... Он что, набросал просто план?

Е Цзюньшу был в полнейшем замешательстве. Раньше-то он писал статьи и трактаты вполне прилично! Сам учитель когда-то хвалил его сочинения... Почему же с повестью дело не заладилось? М-да... Видимо, у него нет таланта не только рассказывать истории вслух, но и излагать их на бумаге.

А ведь идея старшего брата была так хороша! Он уже всерьез надеялся, что сможет зарабатывать писательством.

Он попытался изложить историю Белой змеи и потратил на это добрых два часа. И что в итоге? Он уже закончил? Цзюньшу во все глаза смотрел на исписанные листы, где мелким почерком едва ли набралось тысяча иероглифов. Весь сюжет от начала до конца — и меньше тысячи знаков?!

Наверное, дело в том, что он почти не помнил диалогов, а в голове держался лишь общий костяк событий. Вот и вышло краткое содержание без живой речи. Похоже, даже с его улучшившейся памятью, он не в силах выудить из глубин подсознания реплики героев из сериалов, которые смотрел когда-то... А вот книжные знания этой эпохи вспоминались куда легче.

Тщетно промучившись, Цзюньшу сдался. Видимо, эта искра в нем так и не разгорелась: его писанина выходила такой же сухой и сжатой, как и его рассказы.

«Ну и ладно, отдам брату на редактуру. Слог у него как раз бойкий, ему просто не хватало свежей идеи. А у меня есть идея, но не хватает таланта расписывать её на сотни страниц...»

Решив, что план всё же коротковат, Цзюньшу сосредоточился и постарался вспомнить всё, что мог, до мельчайших подробностей. Попутно он вплеп в сюжет несколько собственных задумок — в любом случае его идеи были куда оригинальнее тех заезженных приемов, что использовал Яолян. Старшему брату это точно пригодится.

Закончив писать, Е Цзюньшу так и остался сидеть на стуле, погруженный в свои мысли.

Прогулка по уездному городу дала ему более ясное представление о местном хозяйстве. Дела в лавках шли ни шатко ни валко, и нехватки в рабочих руках почти нигде не было. Не имея нужных связей, найти приличное место было задачей из разряда невыполнимых.

Неужто ему суждено стать охотником на полную ставку? Но город не так уж велик. Самый крупный трактир снабжает дядя Ли, и Е Цзюньшу не мог позволить себе вечно пользоваться его добротой и пристраивать свою дичь через него. А другие заведения просто не справлялись с таким количеством лесного зверя.

Цзюньшу впал в уныние. Края здесь были глухие, покупательная способность низкая, экономика не росла, а рабочих мест было кот наплакал. Лавки торговали самым необходимым,

и в каждой работало максимум по паре подручных из числа своих же родственников — куда уж там чужаку? К тому же оживление здесь чувствовалось разве что в базарные дни, в остальное же время приказчики откровенно скучали, отгоняя мух, так что на высокое жалованье рассчитывать не приходилось.

Неудивительно, что Хао-гэ с таким рвением рвался во внешний мир. Уезд был слишком тесен, и любой амбициозный юноша мечтал отсюда выбраться.

Е Цзюньшу припомнил всё, что знал о Фэнчэне и окрестностях. Когда-то он читал «Хроники провинции Юнчжоу»: уезд Фэнчэн располагался на юго-западе провинции, на самой границе с провинцией Цюаньчжоу. Но из-за отвесных скал и тянувшихся бесконечной чередой горных хребтов дорог между ними не было, а значит, не было и торговли. С другой стороны Фэнчэн соседствовал с уездом Линьфэн.

И если в глазах губернатора Фэнчэн был вечно бедствующим районом, тянущим провинцию на дно, то уезд Линьфэн слыл курицей, несущей золотые яйца. Столь разительное отличие между соседями объяснялось просто: Линьфэн был важнейшим транспортным узлом. С одной стороны — речной путь, по которому товары шли с севера на юг, с другой — прямая дорога на столицу. Путникам не было смысла заглядывать в захолустный Фэнчэн, они проносились мимо через Линьфэн. Фэнчэн же из-за своего особого географического положения оказался в негласной изоляции.

Отсюда только уезжали. В деревнях редко видели чужаков. Люди хоть и жили в мире, но пребывали в бедности.

Цзюньшу подумал, что будет жаль прожить эту жизнь, так и не увидев мира за пределами этих гор. Он добровольно надел на себя оковы ради детей — возможно, когда-нибудь он ощутит легкую грусть об упущенном, но жалеть о своем выборе не будет никогда.

«Может быть, когда-нибудь я заработаю достаточно денег и вывезу детей в свет, чтобы они посмотрели мир, — решил он. — Негоже им киснуть в этой глухомани, точно лягушкам на дне колодца. Мир велик и прекрасен, как я могу лишить их возможности это увидеть?»

Вывод напрашивался сам собой: нужно зарабатывать по-крупному!

Весь следующий день близнецы, напуганные его долгим отсутствием, не отходили от него ни на шаг. Даже во сне они крепко держались за его одежду, а проснувшись, первым делом искали брата глазами — и если не видели сразу, поднимали отчаянный крик. Цзюньшу пришлось пару дней провести дома, играя с ними, пока маленькие сердечки не успокоились и не поверили, что их старший брат никуда не исчезнет.

Тем временем по разбитой, ухабистой грунтовой дороге, огибая горы, катилась повозка. Молодой книжник в белых одеждах высунулся из окна и спросил:

— Дядя, скоро ли деревня Ецзя?

— Почти приехали! Сразу за этим холмом будет, — бодро отозвался возница.

Цинь Яолян глянул на палящее солнце и поспешно юркнул обратно в тень, не переставая махать веером. Жара стояла невыносимая! И надо же было Цзычжоу поселиться в такой

глуши.

Вскоре повозка остановилась.

— Молодой господин, прибыли. Вот она — деревня Ецзя.

Яолян тут же спрыгнул на землю, обмахиваясь веером и озираясь. Перед ним раскинулся широкий въезд в деревню с утоптанной серой землей. У старой ивы, склонившей ветви к самой дороге, стоял большой камень, на котором было высечено название деревни.

— Молодой господин, проводить вас внутрь? — спросил возница.

— Я сам дойду, — Яолян махнул рукой и вытащил из повозки два узла с вещами. — Возвращайся за мной через пару дней.

— Слушаюсь, — ответил тот, развернул коней и уехал.

Цинь Яолян зашагал по деревне, с любопытством оглядываясь. Он впервые был в гостях у друга, и ему всё было в диковинку. Он и не заметил, как сам стал главным зрелищем для местных: сельчане провожали его удивленными взглядами, а молодые гэри украдкой краснели — ведь в их краях грамотные люди были редкими гостями!

Старый амо высунулся из-за невысокой глинобитной ограды и громко крикнул:

— Послушай, молодец, ты к кому это путь держишь?

Яолян обрадовался, что на него обратили внимание, и подошел поближе:

— Здравствуйте! Я ищу Цзычжоу. Не подскажете ли, почтенный, где его дом?

— А, к Чжоу-цзы идешь! Ступай прямо по этой дороге до самого конца. Как увидишь большой дом — так это его и будет.

— Премного благодарен!

Яолян решил, что это совсем рядом, поклонился и бодро зашагал в указанном направлении. «Большой дом... М-м, этот не похож... и этот тоже...» Он шел и шел мимо хижин с соломенными крышами, которые совсем не тянули на жильё его друга. Дома становились всё реже, места — всё глуше.

Яолян уже начал подозревать, что сбился с пути. Из-за жары на улице не было ни души, и спросить дорогу стало не у кого. Он уже было решил повернуть назад, как вдруг увидел — вот оно! Действительно, большой дом!

Глаза Яоляна радостно блеснули. Он прибавил шагу и, остановившись у крепких ворот, постучал. Вскоре дверь приоткрылась, и на пороге показался мальчишка лет десяти.

— Вам кого? — спросил он.

Парнишка выглядел простоватым, но в чертах его лица было что-то знакомое, определенно напоминающее друга.

«Должно быть, один из младших братьев Цзычжоу», — догадался гость. Цинь Яолян широко улыбнулся:

— Это дом Цзычжоу? Я его старый сокурсник, приехал навестить друга.

Отворять ворота выбежал Сяо Шань. Увидев пригожего молодого человека в дорогих одеждах и услышав, что это сокурсник старшего брата, он от волнения начал заикаться:

— Да... да... Брат дома, входите, пожалуйста.

Цинь Яолян уверенно шагнул во двор и добродушно произнес:

— Ты ведь Сяо Шань? Брат часто о тебе рассказывал. Не стесняйся, мы с ним очень дружны, можешь звать меня просто брат Яолян.

— Брат Яолян.

Мальчик наконец немного расслабился и проводил гостя в дом.

Е Цзюньшу в это время сидел на циновке, скрестив ноги. Спрятав руки за спину, он с крайне серьезным видом вопрошал трехлетних крох:

— Ну, вы подумали? В какой руке?

Двое почти одинаковых малышей сосредоточенно нахмурились.

— В левой! — выпалил один.

— Не-а, — возразил другой. — В прошлый раз была левая, сейчас должна быть правая! — Да брат оба раза в левую клал!

Близнецы поспорили еще немного и выдали общий вердикт:

— В левой!

— Уверены?

— Угу!

Зажатый в правой руке предмет мгновенно переключался в левую. Цзюньшу выставил кулаки перед детьми, дождался, пока они, не мигая, уставятся на них, и резко раскрыл ладони. На левой руке лежал блестящий камушек.

— У-ва и Лю-ва просто молодцы! Снова угадали!

Близнецы радостно запрыгали и захлопали в ладоши.

Цинь Яолян застыл на пороге: — ...

Неужели это тот самый Цзычжоу, которого он знал? Играет в такие детские игры с трехлетними малышами!

— Брат! — позвал Сяо Шань. — К тебе пришел брат Яолян.

Е Цзюньшу, только что весело смеявшийся вместе с детьми, обернулся и замер, увидев гостя, которого ну никак не ожидал здесь встретить.

— Старший брат? — удивился он, поднимаясь. — Ты как тут оказался?

— Что, не рад видеть?

— Как же не рад! Я в восторге, — Цзюньшу прищурился от улыбки и подозвал младших. — Это мой сокурсник, зовите его брат Яолян.

— Брат Яолян! — хором отозвались дети.

Ухоженные, пухленькие, с сияющими черными глазами — они во все глаза уставились на гостя. От их искреннего любопытства Яолян даже засмутился, не зная, куда деть руки и ноги.

— Ох! Какие паиньки!

Теперь-то он понял, почему Цзычжоу ни в какую не хотел их оставлять. Таких чудесных братьев он бы и сам себе целый десяток завел! Яолян поспешно бросил один из узлов на стол и принялся его развязывать:

— А ну-ка, братишки, подходите сюда! У меня для вас подарки — очень интересные штуки!

В узле оказались всевозможные игрушки. Некоторые выглядели совсем новыми, а некоторые — так, будто повидали виды. Скорее всего, это были его собственные вещи из детства. Сяо Шань и остальные вопросительно глянули на Е Цзюньшу, и только получив одобряющий кивок, окружили стол. Яолян вручил Сяо Шаню рогатку и мешочек с шариками. Лу-гэру и Цинь-гэру достались разноцветные мячи и глиняные свистульки, которые так любят гэри. Близнецам перепало по барабанчику-погремушке и головоломка «девять колец». На столе осталось еще немало всякой всячины.

Дети с восторгом принялись изучать диковинки. Даже Сяо Шань, считавший себя почти взрослым, не смог скрыть радости.

— Спасибо, брат Яолян! — их звонкие голоса звучали так сладко, что у любого бы сердце растаяло.

Яолян расплылся в довольной улыбке:

— Выбирайте, что еще нравится, берите смело! Всё это вам!

Глядя на счастливых детей, Е Цзюньшу вдруг почувствовал укол вины. Он так заботился о том, чтобы они были сыты и одеты, что совсем забыл о простых радостях. Малышам ведь нужны игрушки, а ему и в голову не пришло их купить. Дети никогда не капризничали, довольствуясь старым тряпьем и обломками, оставшимися от родителей, а он, как старший брат, проявил такую черствость...

Он ласково погладил Сяо Шаня по голове:

— У нас с братом Яоляном есть дело. Присматривай за младшими и не выводи их на солнце.

Сяо Шань, не отрывая глаз от новенькой рогатки, быстро закивал. Ему явно не терпелось поскорее опробовать подарок.

Едва Е Цзюньшу и гость вышли, Сяо Шань заговорщицки глянул на Лу-гэра:

— Лу-гэр, позови Сяо Чжи поиграть с нами, пригляди тут за всеми, а я мигом! — И он пулей вылетел со двора.

Е Цзюньшу тем временем налил гостю чашку холодного отвара из бобов мунг. В такую жару он каждый день томил этот напиток, остужал его у колодца и добавлял немного сахара — дети его обожали, и жажду он утолял отменно.

Выпив две большие чашки, Цинь Яолян бессильно развалился на стуле и патетично выдохнул:

— Уф! Чуть не помер от жары! Цзычжоу, ну и захолюстье у тебя, еле нашел.

— Ты приехал по какому-то важному делу?

— Конечно! Я приехал за рукописью! — Яолян тут же вскочил с места и жалобно запричитал: — Уже третий день пошел! Я глаза проглядел, все звезды пересчитал, а от тебя ни слуху ни духу...

— Неужели это так горит? — изумился Цзюньшу.

— Еще как! Ты не представляешь, я последние ночи глаз не смыкал, всё об этой истории думал. Цзычжоу, мой успех теперь целиком в твоих руках! Батюшка всё хочет, чтобы я в чиновники шел, а мне от одного вида канонов дурно делается. Я хочу повести писать! Вот прославлюсь — и меня весь мир будет почитать. Стану классиком, оставлю имя в веках...

— Но в глазах почтенных мужей сочинительство — занятие не самое благородное. Если решил идти этим путем, хорошенько подумай. Особенно о том, что скажет учитель...

— От отца буду скрывать, сколько смогу. Но если не попробую, буду жалеть всю жизнь. Учеников в Поднебесной — тьма тьмущая, а много ли тех, кто пробился? Даже если мне повезет сдать экзамены, не факт, что из меня выйдет хороший чиновник. Зачем губить лучшие годы?

— И всё же, старший брат, если ты когда-нибудь действительно прославишься и все узнают, что книги написаны тобой... А у тебя при этом даже первой ученой степени нет... — Е Цзюньшу всё же считал, что Яолян стоит сдать хотя бы на сюоя — это принесло бы ему только пользу. Он искренне не понимал, почему тот так противится.

— Э-э... Об этом подумаем, когда прославлюсь, — Яолян резко сменил тему. — Слушай, какой мне взять псевдоним? Учитель Скрытой Горы? Или Обитель Изящной Кисти? Это дело серьезное, Цзычжоу, посоветуй!

— Я думал, ты уже выбрал «Обитель, идущая за светом»? — припомнил Цзюньшу подпись на прошлой рукописи.

— Да то я просто ляпнул первое, что в голову пришло! Сейчас нужно что-то солидное. Так... тебя зовут Цзычжоу, фамилия Е... — Яолян побормотал что-то под нос, а потом его будто осенило. Он ударил кулаком по ладони: — Решено! Буду зваться «Мастер Е Лян»!

Первой мыслью Е Цзюньшу было: «Е Лянчэнь?!» (Прим. пер.: популярный в интернете герой-клише, чье имя стало нарицательным для самоуверенных персонажей).

— ... — Цзюньшу замялся. — Может, ты еще подумаешь? Это имя звучит как-то... специфически.

— Нет! — отрезал Цинь Яолян. — Решено! Твоя фамилия и мое имя — это символ нашего общего труда. Идеально! — Ну, а где наброски сюжета? Только не говори, что еще не брался, — Яолян округлил глаза, готовый соорудить самую обиженную мину, если Цзюньшу кивнет.

Е Цзюньшу ничего не оставалось, кроме как достать из ящика стола стопку исписанных листов. Яолян с благоговейным трепетом принял их и принялся изучать, вчитываясь в каждое

слово.

— ...Цзычжоу, а нельзя ли поподробнее? Вот смотри: «Фахай всячески препятствует их союзу». Тут же всего пара предложений! Опиши хоть вкратце, как именно он это делает. Если ты заставишь меня самого выдумывать сюжетные повороты, я же просто не выживу!

Яолян знал свои слабости: у него был бойкий слог, но совершенно не хватало фантазии, чтобы сочинить нечто захватывающее. Именно поэтому его прошлые труды не интересовали книготорговцев. А удивительные истории из головы Цзычжоу были его единственной надеждой.

— Цзычжоу~ Братец мой дорогой~ Ну допиши еще капельку~ — заканючил Яолян.

От этих нежностей у Е Цзюньшу по коже поползли мурашки. Он невольно потер плечи:

— Ладно, ладно, допишу...

— Хе-хе! Я подожду. Ты не торопись, пиши вдумчиво, я у тебя еще на пару дней задержусь! — С этими словами Яолян со скоростью молнии выскочил за дверь. — Пойду помогу тебе с младшими! «Малыши, дядюшка Яолян идет к вам!»

Снаружи донесся восторженный детский смех и крики. Цзюньшу невольно улыбнулся и покачал головой.

<http://bllate.org/book/15226/1354174>